

The gender parameters of the national mentality: the concept of "Woman" (in the Russian and Japanese cultures)

著者(英)	Yuri KATO, Ivan BOITSOV, Zina DANKER
journal or publication title	STUDIES IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION
number	41
page range	3-17
year	2019-03-31
URL	http://hdl.handle.net/2241/00155066

КАТО Юри, БОЙЦОВ Иван, ДАНКЕР Зина

Гендерные параметры национальной ментальности: концепт «Женщина» (на материале русской и японской культур)

Аннотация

Данная статья предлагает рассмотрение актуального вопроса современной научной литературы, ведущего к осмыслению гендерного концепта в качестве отражения языковой картины мира, стереотипного понимания данного концепта, особенностям расширения его содержательного плана, индивидуальности национальной культуры и взаимосвязи концепта «женщина» в русской и японской культурах.

Ключевые слова

гендерные параметры, концепт, ментальность, национальная культура, языковая картина мира

Summary

In this paper academic materials and literature are analyzed with the aim of examining the concept of "gender" as an indicator of cultural and linguistic view of the world. Stereotypes about the concept of "gender", ranges of their perception, and characteristic national features of concept "woman" in Russian and Japanese cultures are discussed.

Keywords

parameters of "gender" concept, mentality, national culture, linguistic overview

1. Концепт, пути его формирования

В современных научных работах лингвистического, литературоведческого, культурологического характера основополагающее место занимают исследования, в центре внимания которых находится концепт как отражение национального языка и культуры. Данные труды, несомненно, актуальны и перспективны.

Концепт, отражая восприятие реалий действительности, способен в слове отразить сложившееся понимание, ассоциативные связи, отражающие национальное мировоззрение, национальную ментальность, традиционные национальные стереотипы. Актуальность данных исследований видится в том, что, помимо раскрытия языковых возможностей, осмысления индивидуального стиля писателя, накапливается понимание национальной

культуры, ведя к адекватным межкультурным связям.

В русской научной литературе исследования концепта становятся в этом плане центральным и многообразным. Предлагаются исследования касательно концепта, связанного с социальными группами общества (школа, армия). Широко распространены работы, соотносимые с морально-этическим планом русской ментальности (честь, совесть), с личностным поведением (долг, работа, труд). Широко представлены статьи, диссертации, монографии, предметом которых избирается концепт касательно реалий действительности (деньги, свобода). В центре внимания ученых находится и концепт, отражающий эмоциональное состояние в русской ментальности (добро, зло).

Закономерно, интерес ученых направлен и на концепт, связанный с гендерными отношениями в обществе (мужчина, женщина), оформляя широкий пласт научных трудов. Предлагаемая нами статья с учетом актуальности, значимости проблемы "концепт" направлена на рассмотрение концепта "женщина". Данная статья носит обобщающий характер. Обращаемся к концепту "женщина", отражающему ментальность двух национальных культур: русской и японской. Особо следует подчеркнуть, что описание концепта представлено на материале литературы 19 века, отражающей устоявшееся, традиционное мировоззрение, связанное с гендерным концептом.

Рассмотрение любого концепта требует понимания его базовой основы, раскрытие сути его развития. В центре внимания оказываются понятия «язык и культура», «языковая картина мира», «ментальность», «концепт». Вместе с тем, язык «не только отражает реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек» (Колесов 1999: 79).

Язык – «естественный субстрат культурь», пронизывающий «все ее стороны», служащий «инструментом упорядочения мира», «средством закрепления этнического мировоззрения» (Братчикова 2003: 426). Концептуальная картина мира приобретает глубокую и индивидуальную культурно-национальную специфику.

Единство языка и культуры, их взаимопроникновение проявляются в том, что «большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет в мире концептов, созданных им для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей» (Маслова 2001: 64).

Ментальность понимается как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (Колесов 1999: 81). Так определяется основная единица ментальности: «концепт данной культуры, который в границах словесного знака и языка в целом предстает (является) в своих содержательных формах

как образ, как понятие, и как символ» (там же: 81).

Полагается, что концепт есть «не что иное, как образование ума, точки зрения субъекта», которая «обращена на нечто объективно-реальное» (Зыкова 2009: 25). Концепт есть «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода – некоторых сторон предмета или реальных действий: образного рода чисто мыслительных функций (Аскольдов 1997:56). Языковая картина мира фиксирует уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, «создает окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое, в свою очередь, порождается спецификой деятельности, образом жизни, национальной культурой данного народа» (Маслова 2001: 66).

«Проблема изучения языковой картины мира, - подчеркивают современные ученые, - тесно связана с проблемой концептуальной картины мира, которая отображает специфику человека в его бытии, взаимоотношения его с миром, условия его существования» (там же: 72).

При этом, «выбор эталонов или символов картины мира» глубоко мотивирован. Язык «воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» (Колесов 1999: 81).

Так, гендерный подход в языкознании опирается на стереотипы, предполагая установки модели поведения и характеристики представителей каждого пола. В подобном случае данные концепты подразумевают категориальные определения (мужчина, женщина), а вместе с тем, атрибутивные признаки, связанные с принадлежностью к определенному полу (внешний вид, род занятий, поведение).

Основным компонентом гендерного стереотипа является «культура, определяющая общепринятый в этнокультурном сознании «портрет» мужчины и женщины в широком смысле слова», включая «ценностные и поведенческие ориентиры, традиционные представления о нормах морали и нравственности» (Зыкова 2009: 26).

2. Концепт «женщина» в русской культуре: стереотипное содержание

Обратимся непосредственно к интересующему нас концепту «женщина». Сложившиеся нормы смыслового содержания интересующего нас концепта раскрываются в полной мере при обращении к лексикологическому плану

данной языковой единицы. Обнаруживается следующее семантическое содержание «женственности». Это «обладающий качествами, свойствами женщине, изящной, нежной» (Ушаков 2000: 858). Подобное толкование «женственности» обнаруживается и в современной справочной литературе как «совокупность качеств, свойственных женщине» (Введенская 2003: 144). Так, к визуальным параметрам «женщины» относят «изящность, женственность»; данный ассоциативный ряд расширяется и внутренними качествами женщины: мягкостью, нежностью, любовью. Другими словами «женственность» связана с красотой, с эстетичностью, с внутренней глубиной («изящность», «изящество»). «Женщина» становится в синонимичном ряду с оценочными понятиями «женственная, женственна», «женственно». Доказательством тому служат следующие параллели толкования: «Женственная. С качествами женщины, мягкая, нежная, изящная» (Ожегов 1998: 195). «Женственная. Обладающая признаками, качествами, присущими женщине: мягкая, нежная, изящная» (БТС: 303). В русской ментальности известны следующие примеры языковой данной картины «женственной»: «женственная натура» (Ушаков 200: 858), «женственная внешность» (Ожегов 1989: 195).

Обращает на себя внимание, что понятие «женское» выступает единицей, намного более многогранной и широкой, чем понятие «женственность». Интересно при этом, что «женственность» передает стереотип, наполненный только положительной оценкой, с оттенком возвышенного.

Культурологическая общность осуществляется всем контекстом данной культуры. Картина мира выступает как результат духовной деятельности всех поколений этноса нации. «Исследования языка духовной культуры, истории культуры, системы ценностей и картины мира в сопоставительном аспекте имеют определенный общечеловеческий интерес, поскольку способствуют духовно-культурному обогащению, росту цивилизованного общезначимого самосознания, углублению философского взгляда на историю человечества» (Хизбуллина 2015: 43).

Русская языковая картина мира дает собственные примеры национального стереотипа гендерного концепта. Прослеживая развитие концепта «женственность» в русской культуре, замечаем развитие национальной ментальности, отражающей содержание данного гендерного стереотипа. В данном случае актуально говорить о взаимообусловленности, взаимопроникновении двух параметров. Как справедливо замечает Ю.М. Лотман, имеются в виду «те особенности, которые эпоха накладывала на женский характер», так и «те особенности, которые женский характер придавал эпохе» (Лотман 1994: 47).

Обращение к русской национальной культуре, осмысление представления концепта «женственность» дает возможность говорить о развитии смыслового содержания данного понятия, отражающего, соответственно, русскую ментальность.

В сознании людей последней четверти 18 века начинает постепенно проникать мысль о том, что добро заложено в природе, что человеческое существо, созданное по образу и подобию Бога, рождено для счастья, для свободы, для красоты. «Неестественная» мода, связанная с европеизацией, начинает вызывать отрицательное отношение. Подобная «англомания» находит отражение в частности в известной повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка»: «Развел он английский сад, на который тратил все остальные доходы. Конюхи были его одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе». Сравним поэтические строки А.С. Пушкина: «Москва Онегина встречает Своей спесивой суетой, Своими девами прельщает, Стерляжьей потчует ухой. В палате Английского клоба (Народных заседаний проба), Безмолвно в думу погружен, О кашах пренья слышит он», и «Там все Европой дышит, веет».

Идеалом становится «естественность», образцы которой искали в женских фигурах античности или в «театрализованном» крестьянском быту. Вспоминается классический литературный образ А.С. Пушкина «барышни-крестьянки»: «Послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок», «скроила себе рубашку и сарафан», «примерила обнову и призналась пред зеркалом, что никогда еще так мила самой себе не казалась».

На портретах этой поры можно увидеть, как новая манера одеваться соединилась с естественностью, простотой движением, живым выражением лица. «Европеизация» внешнего облика выглядит зачастую иронично: «Лиза набелена была по уши, насурьмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее ее собственных волос, взбиты были, как парик Людовика XIV, рукава а limbecil её торчали, как фижмы у Madam de Pompadour; талия ее была перетянута как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах».

В свою очередь, красавица 18 века «пышет здоровьем», полагая, что женщина полная – это женщина красивая. Именно крупная, полная женщина, «с пышными формами» считается идеалом красоты этого времени. Постепенно литература и искусство конца 18 – начала 19 веков создает идеализированный образ женщины; идеалом эпохи становится образ поэтической девушки (Лотман 1994: 52).

Интересно отметить при этом: неожиданным является тот факт, что «изящность», красота как отражение эстетического представления находит в языковой картине мира неодобрительную оценку, стилистическую сниженную. Высказывается в этом плане совет, наказ, предупреждение: «Жена красовита – безумному радость», «Пригожа жена – лишняя сухота» (Мокиенко 2010: 336, 338).

Менялось понятие красоты, соотносимое с понятием «женщина». Однако красота выступает постоянным признаком данного гендерного концепта.

Стабильным содержанием концепта «женщина» является понятие «женщины замужней», «жены». Данная закономерность отражает представление национальной картины мира в рамках особой категории русского самосознания: «соборности». Имеется в виду «органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения (любви, по общности духа)» (Колесов 1995: 135).

В данном случае «я» соединяется с «ты» посредством «мы», «только такое понимание оправданно нравственно» (там же). Соборность – это «не соборность элементов», а «именно та целостность, которая и определяет все особенности русского менталитета» (там же). Как рассуждал русский философ Н. Бердяев, «это есть таинственная жизнь Духа. Мы в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность. Он носит механический рациональный характер» (Бердяев 1995: 109).

Категория «соборности», поддерживающая стереотип «женщины» как жены, четко зафиксирована в языковой картине мира: «Муж и жена – одна сатана», «Муж крепок по жене, а жена по мужу», «Муж да жена больше, чем брат и сестра» (Мокиенко 2010: 561).

Соотнесенность «женщины» с «женой мужа» с «замужней женщиной» четко отражают традиции русского общества, со сложившимися ритуалами замужества 18-19 веков. Известно, что в 18 веке оставались доминирующими традиционные формы вступления в брак (жених добивался согласия родителей, предложение невесте). Этикет замужества, социальные нормы поведения зачастую не предполагали объяснение в любви, романтические отношения. Подобные традиции сватовства касались всех слоев общества. Однако в любом случае обряд сватовства и свадьба образовывали «длительное ритуальное действие», характер которого менялся в различные десятилетия. Традиционную национальную структуру имела сама свадьба (дворянская, помещичья, деревенская), вбирающая в себя, в частности, обряд «облачения» в свадебную одежду, обряд венчания (Лотман 1994: 103-121).

Вместе с тем, концепт «женщина» традиционно приобретает значимость относительно восприятия не просто «замужняя женщина», а «женщина-мать». Так, красавица 18 века пышет здоровьем и ценится дородностью. Идеалом красоты признается женщина полная, крупная. Собственные национальные корни имело «вскармливание» ребенка, связанное с понятием «кормилица»; устойчивые правила воспитания, которые предполагали, в частности, воспитание девочки как будущей жены, будущей матери. Здесь следует заметить, что красота, женщина замужняя, женщина-мать выступает в единстве с параметрами, четко отличающими «женское», «женственность» от параллельного гендерного концепта. Одним из отличий «женского мира» от мужского выступало в конце 18 - начале 19 веков участие в государственной жизни страны, что и накладывало стереотипные понятия на «женское». Суть в том, что, как известно, женщина была исключена из государственной службы. Женщины не служили, чинов не имели. Чин женщины, если она

не была придворной, определялся чином ее мужа или отца. Вместе с тем, женщина была начитана, образована (литература, музыка). Роль женщины в дворянском быту и культуре соотносилась, как правило, с ролью жены, хозяйки, матери.

Красивая женщина, замужняя женщина, женщина-мать, – таковы основы концепта «женщина» в русской ментальности. Однако постепенно понятие «женщина» приобретает новое содержание, расширяя традиционные взгляды социума. В современной русской культуре устоялись (к нашему сожалению) понятия «гражданская жена», «мать-одиночка», «бизнес - вумэн». Семья, хозяйство, воспитание детей становится не всегда главным занятием женщины. На первый план выступает карьера, карьерный рост, социальный статус. Именно образ «деловой женщины» становится центральным на картинах современных фотографов. Новыми современными реалиями наполняется образ женщины и в современной русской литературе. Так, концепт «женщина», его содержание неразрывно уже связывается с развитием общества, с изменением устоявшихся стереотипных взглядов на женщину. Данный гендерный концепт демонстрирует отражение ментальности конкретного социума определенных временных пространств.

3. Организация ядра концепта «женщина» в японской лингвокультуре

С целью получения представления об общей структуре концепта предлагаем выделение его ядерных и периферийных признаков. В подобном случае в качестве источника построения ядра концепта «женщина» были взяты определения лексемы 女 [onna]¹ (женщина) из 7 толковых словарей японского языка.

人間のうち、男ではない方。本来卵子をつくる器官をそなえている方。[Shogakukan 2001]. «Женщина» принадлежит к человеческому роду и является полом в сопоставлении с понятием «мужчина». Вместе с тем, понятие «женщина» во всех анализируемых нами словарных дефинициях связывается со способностью к деторождению. Данное базовое определение можно считать главными признаками ядра концепта.

Именно «женщина» как особый пол, способный к деторождению, становится основополагающим понятием при толковании данного гендера. Отмечается, «женщина»: 1. «зрелая женщина (с учетом возрастных особенностей; не девочка, не старушка); взрослая женщина, готовая к деторождению». В отдельных словарных статьях присутствуют при этом признаки «женщины», соотносимые с качествами характера как «типично женские». Отмечаются и другие характеристики «женщины» в японской культуре: «優しい» (добрая, ласковая); «しとやか» (скромная, пассивная); «繊細な» (чувствительная,

изящная).

Концепт «женщина» вбирает в себя и несколько других параметров, соотносимых с её социальным статусом. Последовательно фиксируется: «2. жена; 3. любовница; любовница на содержании; 4. служанка, прислуга».

Прослеживается интересная закономерность в отношении стереотипного понимания концепта «женщина» в японской культуре. Стереотип - «женщина, способная к деторождению» зафиксирован практически во всех словарях. Последующее содержание концепта (жена; любовница, любовница на содержании; служанка, прислуга) встречается намного реже и лишь в отдельных словарях японского языка.

Поэтому первое понятие можно причислить к ближней периферии концепта. Содержание концепта, связанное с социальным статусом женщины, следует отнести к периферии концепта. Имеется в виду исторически сложившееся понимание «женщины»: женщина, которая принадлежит одному мужчине и находится на его содержании.

Примеры, соотносимые со словом [onna], относящиеся к понятию «любовница» или «любовница на содержании», находим в художественной литературе XIX века. Но в обоих случаях в текстах дается сочетание с другими иероглифами, которое четко объясняет, что это не жена, не просто знакомая, а именно женщина, близкая в интимных отношениях: «情 (любимая)», «他 (другая)».

其の通だ。情婦 [onna] が有るのが奈何したと。(「金色夜叉」² (1897-98)
(Конечно же. Тебя не касается, у меня любовница, а что?!).

なんぼだって大磯くんだりまで公然に他女 [onna] を引っ張り廻されちゃ
ァ (「くれの廿八日」³ (1898). (Не могу молчать, ты откровенно берёшь
любовницу в курортное место «О-исо».)

В таких примерах, как слово [onna], которые относятся к «служанке» или «прислуге», участвуют и другие иероглифы, известные из азбуки, что указывает на их прочтение, как 女 [onna]. Так, в первом случае добавляется иероглиф: «下 (нижняя)», во втором - вместо иероглифа 女 дается «婢⁴(рабыня)».

孝助は宿屋に入り、下女 [onna] に案内を頼で奥へ通る (「怪談牡丹燈籠」)
1884 (Косукэ вошел в гостиницу, повелел служанке показать номер и
прошёлся).

給事の婢 [onna] が不慣れなので (「浮雲」 (1887-88). (Так как прислуга,
которая подаёт еду, неумелая).

В японском языке, который имеет и азбучную письменность, и иероглифическую, активно участвуют иероглифы, расширяющие, конкретизирующие понятие «женщины», вносящие нюансы в значение

данной лексики. В конце XIX века в художественной литературе активно практиковали расширение или ограничение лексики 女 [onna], отражающее различные социальные роли женщины и демонстрирующие колебание представления о женщине или её роли в обществе⁵.

4. Паремиологическое поле концепта «женщина» в японской культуре

Пословицы и поговорки выступают как способ языкового отражения концептуализации и категоризации мира. В связи с этим представляется необходимым обращение к единицам паремиологического фонда языка, в которых закреплён изучаемый концепт. Признаком для отбора единиц исследования послужило наличие в составе пословиц лексемы 女 [onna].

Мы уже определили основное содержание концепта: «женщина, которая принадлежит одному мужчине и находится на его содержании». Расширяет содержание данного концепта понятие «женственность» в связи с такими привлекательными качествами женщины, зачастую выражаемые такими прилагательными, как 優しい (добрая, ласковая), しとやか (скромная, пассивная, 繊細な (чувствительная, изящная).

«Женственность» прежде всего присутствует в пословицах, в которых слово 女 [onna] является подлежащим и сказуемым. К примеру: 女は三界に家無し (Для женщины в трёх мирах нет дома). 女は三従 (Женщина (в своей жизни) подчиняется трижды (в детстве – родителям, замужем – мужу, в старости – детям).

Два данных примера основаны на буддийских сутрах и вошли глубоко в этику японцев, и до начала XX века и дома. В буддизме женщины считались «неспасаемыми», так как для них существовало несколько препятствий: женщина никогда не бывает самостоятельной, она должна подчиняться в течение всей своей жизни: её сначала воспитывают в родительском доме, потом она выходит замуж и подчиняется семье своего мужа, а в старости – подросшим детям. 男は松、女は藤 (Мужчина – сосна, женщина – глициния). Здесь с помощью метафоры показывается статус женщины по отношению к мужчине: так же, как глициния обвивается вокруг сосны, женщина должна во многом полагаться на мужа. 女は氏無くして玉の輿に乗る (Женщина из небогатой семьи может садиться в нефритовый поланкин). Полная зависимость женщины от мужчины, с другой стороны, давала женщине возможность улучшать свое социальное положение, несмотря на довольно жесткие феодальные представления. Девочек воспитывали родители так, чтобы она выросла достойной женой состоятельного человека, девочки учились тому, что пригодились бы в доме мужа. Фразеологизм 玉の輿 [tamanokoshi] (нефритовый поланкин) до сегодняшнего дня произносят

японцы, когда женщина выгодно (успешно) выходит замуж.

Возможным представляется обозначить основные качества «женственности», воспринимаемые в японской культуре традиционно положительно. Это покорность (верность) родителям, мужу, выросшим детям. Уместными оказываются прилагательные: 優しい (добрая, ласковая), しとやか (скромная, пассивная), 繊細な (чувствительная, изящная).

Рассмотрим некоторые периферийные признаки, анализируя пословицы, в которых слово 女 [onna] выступает как определение 女の (кого? – женщины), т.е. является неперенным атрибутом всего «женского». Японские пословицы, согласно народной мудрости, недооценивают женскую самостоятельность, ум и деловитость женщины. Приведем здесь некоторые примеры: 女の知恵は鼻の先 (Женский ум короток. букв. Женский ум на кончике носа); 女賢しくて牛売り損なう (Умная женщина, продав скот, понесёт убыток), 女の話は一里限り (Женские разговоры ограничены расстоянием в один *ри*⁶), 朝雨は女の腕まくり (Утренний дождь – как женщина, которая закатывает рукава). Во всех примерах говорится об узком кругозоре и бесполезности в больших делах женщины. Женский ум ограничен рамками домашних дел, за пределами дома она не добьется успеха. Деловитость женщины сравнивается с утренним дождем, который быстро проходит.

Другим из периферийных признаков концепта «женщина», выявленных в исследуемых пословицах и поговорках, является их склонность к сплетням и совершенно пустым разговорам: 女三人寄れば姦しい⁷ (Если собрались три женщины, будет шумно), 女三人寄れば囲炉裏の灰飛ぶ (Если соберутся три женщины – то полетит пепел из очага *ирори*). Заметим здесь, что цифра «три» в данном контексте и в японских традициях обозначает минимальное количество какого-либо собрания, встречи и под. Женщины встречаются дома или возле дома (чаще всего у колодца) и, естественно, разговаривают. Если женщины находятся вокруг очага в процессе приготовления пищи, то они делятся какими-либо секретами: 女は口さがない (Женщины – существа, склонные к сплетням), 女は相見互い (Женщины приходят друг другу на помощь).

Приведенная нами последняя пословица коррелирует с популярным в Японии выражением: 武士は相見互い (Самураи приходят друг другу на помощь).

При анализе японской паремии нами были отмечены случаи, где особо подчеркивается женская сила, однако, она не сопряжена с реальной физической силой и социальной властью. Образ женщины в пословицах всегда безвластен, а неутомимая сила женщины – это есть красота, способная достигнуть нужного результата не агрессивным способом: 女の一念岩をも通す (Женская сила воли пройдет и сквозь скалы), 女の髪の毛には大象も繋がる⁸ (Женский волос крепок, чтобы удержать слона), 女の足駄にて作れる笛には秋の鹿寄る⁹ (Если сделать свисток из досок, на которых женщина ходила, то свисток привлечет самца-олень).

5. Концепт «женщина» в японской литературе

В исследованиях современных ученых подчеркивается, что современная японская литература формировалась под сильным влиянием мировой западной. Так, с 1890 гг. потоком переводились литературные произведения, изданные на Западе: переводы осуществлялись с английской, американской, европейской и русской литературы. Появилось много новых идеалов, произошло колебание морального стандарта, при этом в 1891 году ввели Гражданский кодекс, который укрепил феодальную семейную систему, чтобы не только в семьях самураев, а в каждой семье главой являлся мужчина, и по мужской линии наследовалась семейная иерархия.

В японской художественной литературе в это время отражается концепция желанных качеств женщины («женственность»), но, как правило, с другой стороны, героини не остаются в рамках традиционного идеала и сбиваются с пути, сопротивляются системе и страдают. Появляется образ несчастливой семьи, когда женщина хочет быть самостоятельной, но не находит счастья и вне семьи.

В произведениях литературы, где описывается судьба женщины в семье, базовое представление «женственности», желаемые качества женщины в семье, нередко представляют не сами героини, а близкие люди посредством совета. Рассмотрим два примера в японской литературе на рубеже XIX – XX вв. Так, в романе «Jusanya» («Осеннее полнолуние») состоятельный мужчина (чиновник высокого чина) взял героиню Сэки в жены из бедной семьи; он полюбил эту красивую юную девушку. Довольные её родители дают дочери наставление:

嫁に行った身が実家の親の貢をするなどと思ひも寄らぬこと、家に居るときは齋藤の娘、嫁入っては原田の奥方ではないか、勇さんの気に入る様にして家の内を納めてさへ行けば何の子細は無い、「十三夜」(1895) (Даже не думай помогать родным родителям, ты же замуж вышла. Ты была дочерью в семье Сайто, а теперь ты хозяйка в семье Харада. Только думай о том, как угождать мужу Исаму и управлять домашним хозяйством, тогда остальное всё приложится).

Но со временем муж охладевает к ней, начинает гулять, её поведение его начинает раздражать. Сэки решает вернуться в родной дом, и, оставив ребёнка, убегает к родителям.

В другом романе «Agu Onna» («Одна женщина») героиня Ёко, воспитанная матерью, активно участвовавшая в движении феминизма, не захотела определяться как скромная и пассивная женщина, бросила первого мужа, при этом ребенка от него сразу отдала на чужое воспитание.

あなたはおさんどんになるという事を想像してみる事ができますか。[...]あなたはどこまで行ったら行きづまると思っているんです。あなたはすでに木村君で行きづまっている人なんだと僕には思われるのです。結婚を承諾した以

上はその良人に行きづまるのが女の人の当然な道ではないでしょうか。木村君で行きづまってください。木村君にあなたを全部与えてください。(「或る女」1911-13) («Вы можете себе представить, что Вы начнёте хозяйничать по дому? [...] Где заканчивается Ваш путь, думаете? По-моему, Вы уже дошли до Кимура кун, дальше пути нет. Раз согласилась стать женой, путь женщины должен упираться в мужа, дальше нет. Упирайтесь в Кимура-кун. Ему отдайте себя всю, я прошу»).

Однако в японской литературе имеются и противоположные примеры, когда концепт «женщины» соответствует стереотипным понятиям «трижды верной женщины». Так, например, великий японский писатель 森鷗外 (Мори Огай, 1862-1922) был лидером романтического направления на рубеже XIX – XX веков. В литературном направлении данное время отличается доминированием натурализма и жесткого реализма, обращением к историческим романам. Герои Мори Огай, как правило, - положительные люди, в произведениях присутствует гармония жизни как отражение идеалов истории.

6. Заключение

Итак, концепт «женщина» в русской и японской культурах имеет как единое содержание, так и особенные параметры, отражая национальные черты ментальности. Стабильным оказывается статус замужней женщины, женщины своего мужа. Устойчивым выступает понимание и женщины-матери. Развивается концепт «женственности» при этом в русской и японской культуре довольно активно. Понятие «женственность», связанное и с внешними привлекательными (зачастую с сексуальными признаками женщины), и с внутренними факторами, отражающими положительные общечеловеческие черты характера.

Однако по-прежнему в японской культуре подчеркивается стабильность содержательного плана концепта «женщина», предполагая «трижды покорность» (родителям, мужу, детям). Русская культура демонстрирует большую динамику содержания данного концепта, связанную с изменением ментального плана социума. Концепт наполняется содержанием, противоположным стереотипному восприятию женщины. Социально признанным в русской ментальности является тот факт, что женщина – это одинокая, свободная женщина, возможно с ребенком, успешно занимающаяся карьерой и личной жизнью, подчиняя окружающий мир (социум) своим интересам.

Таким образом, обращение к гендерному концепту приводит к интересным наблюдениям относительно стереотипного понимания концепта «женщина», отражающего национальную культуру, русскую и японскую. Нами была представлена возможность выявить как общие ядерные признаки

концепта «женщина», так и индивидуально-национальные. Осмысление гендерного концепта, вместе с тем, ведет к приобретению закономерностей его расширения и постепенного описания. При этом видится эффективная перспективность описания указанного концепта в сопоставительном плане, безусловно, расширяющим наши сведения о национальной культуре, национальной ментальности, как глубоко индивидуальных черт, так и во многом взаимопересекаемых.

1. В современном японском языке имеется ряд лексем, обозначающих понятие «женщина»: 女 [onna], 女性 [josei], 婦人 [fujin], 女子 [joshi] и др. Из них кроме 女 практически не встречаются в классическом японском языке до конца XIX века. 女 [onna] относится к *ваго*-словам, т.е. к словам японского происхождения, которые существовали до освоения китайских иероглифов. Известно, что во второй половине XIX века на японский язык потоком переводились европейские книги и статьи, и чтобы передать новые для японцев социальные значения или нюансы, придумывали для перевода слова, используя буддистские термины в новом прочтении или в сочетании с другим иероглифом. В связи с этим для определения базовой концепции «женщина» в японской культуре оптимально использовать слово: 女 .
2. 「金色夜叉」(«Ночной черт в золотой маске») Роман 尾崎紅葉 (Ozaki Koyo, 1868-1903)
3. 「くれの廿八日」(«28го Декабря») . Повесть 内田魯庵 (Uchida Roan, 1868-1929)
4. В китайском языке значится 奴 [nu] - раб и 婢 [hi] – рабыня.
5. В 1891 г. объявили японский гражданский кодекс, который действовал до конца Второй мировой войны.
6. 1 *pu* – 3927 метров
7. Это пословица построены на игре слов: иероглиф 姦 (шумно) имеет семантику три 女 (женщина)
8. Женские волосы являлись символом женской красоты. Так же, как в русской мифологии, люди верили в силу длинных волос женщин и в Японии.
9. 足駄 - традиционная японская обувь из доски дерева.

Литература

Словари:

1. Большой толковый словарь русского языка. М., 1998.
2. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. М., 2003.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.
5. Толковый словарь русского языка. Т.1 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
6. 小学館『日本国語大辞典 (第二版)』3巻、2001年。
7. 岩波書店『岩波国語辞典 (第七版)』、2011年。
8. 岩波書店『広辞苑 (第六版)』2008年。
9. 大修館書店『明鏡国語辞典 (第二版)』2010年。
10. 三省堂『新明解国語辞典 (第五版)』1997年。

Цитируемые произведения:

1. А.С.Пушкин «Барышня-крестьянка» // Болдинская осень. Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, сказки, письма, критические статьи, написанные А.С. Пушкиным в селе Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года. М., 1974. С. 86-104
2. Jusan ya «Осеннее полнолуние» перевод Като
3. Yasuifujin «Жена Ясуи» перевод Като
4. Jiisan Baasan «Старик и старушка» перевод Като
5. Aru Onna «Одна женщина» перевод Като

Цитируемая литература:

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / Вопросы философии. 1997, №3. с.64-65
2. Братчикова Н.С. Лингвокультурологическая специфика сравнительных оборотов // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург. 2003. С. 426-433
3. Бердяев Н. Царство Духа и царство кесаря. 1995
4. Зыкова С.А. Способы доминирующей маскулинности в лексическом фонде испанского языка // Вестник Томского государственного университета. Вып.318. 2009. С. 25-27
5. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». Санкт-Петербург. 1999.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (18- начало 19 века). Санкт-Петербург, 1994
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М., 2001
8. Хизбуллина Д.И. О концепте добро в английском, башкирском, русском и французском языках // Материалы XI международной научной и практической конференции. Т.7. Sheffield. 2015. С.43-45

Японские источники:

1. *Konjiki Yasha* «Ночной черт в золотой маске»: 尾崎紅葉「金色夜叉」『読売新聞』1897年1月1日～1902年5月11日連載。// 新潮文庫『金色夜叉』1969
2. *Kure no nijuhachi nichi* «28го Декабря»: 内田魯庵「くれの廿八日」『新著月刊』1898年。// 筑摩書房『明治文學全集 2 4 内田魯庵集』1978
3. *Botan Doro* «Фонарь с пионом»: 三遊亭円朝『怪談 牡丹燈籠』1884年。// 春陽堂『圓朝全集 卷の二』1927。// 青空文庫 <http://www.aozora.gr.jp/> 2018.05/14 閲覧
4. *Ukigumo* «Плывущее облако»: 二葉亭四迷『新編浮雲』金港堂 1887年6月。// 新潮文庫『浮雲』1997
5. *Jusan ya* «Осеннее полнолуние»: 樋口一葉「十三夜」『文藝俱樂部 閨秀小説号』1895年12月。// 講談社『日本現代文學全集 10 樋口一葉集』1962。// 青空文庫。2018.5.14 閲覧
6. *Aru Onna* «Одна женщина»: 有島武郎『或る女』（初出「或る女のグリンプス」『白樺』1911年～1913年連載。）// 岩波文庫『或る女 前編』1968 改版発行。// 青空文庫。2018.5.14 閲覧

7. *Yasuifujin* «Жена Ясуи»: 森鷗外「安井夫人」『太陽』1914年。// 中央公論社『日本の文学3 森鷗外(二)』1972。// 青空文庫。2018.5.14. 閲覧
8. *JiisanBaasan* «Старик и старушка»: 「ぢいさんばあさん」『新小説』1915年9月。// 講談社『日本現代文学全集7 森鷗外集』1980。// 青空文庫。2018.5.14 閲覧